

Сюэ Цзя поспешно высвободился из объятий Гу Хуайюя и опустил глаза:

— Оставь это себе, мне не нужны такие вещи.

Гу Хуайюй прекрасно понимал, что Сюэ Цзя не сердится из-за этих драгоценностей. С тех пор как сегодня семья Сюэ нанесла визит, Сюэ Цзя держался холодно. Видимо, он на самом деле не хотел видеть этих так называемых родственников, и в душе его что-то гложло. Если Сюэ Цзя их не любил, то Гу Хуайюй испытывал к семье Сюэ в десять раз больше неприязни. В голове у него уже зрел план, как ускорить свои замыслы.

Только он собрался успокоить своего супруга, как из соседнего помещения донёсся шум:

— Всего лишь девчонка из незнатной семьи, а уже зарится на мужа старшего брата! Вот уж действительно, никакого стыда!

Место, где стоял Гу Хуайюй, было отделено от источника шума двумя перегородками. Благодаря удачному расположению, снаружи их не было видно. Однако этого расстояния было достаточно, чтобы слышать происходящее.

После того как компания разошлась, каждый из них бродил по залам, присматривая что-нибудь по душе. Как раз в этот момент Сюэ Юэлань, бросив братьев, направилась к отделу с женскими украшениями и увидела целый набор из нефрита и золота с изображением феникса. Нефрит был высшего качества, феникс изящно выполнен, а дизайн был одновременно оригинальным и гармоничным. Это был настоящий шедевр, идеально подходящий для молодой женщины. Она уже собиралась обрадоваться, как вдруг навстречу ей вышли сестры Гу. Гу Ляньфань, следуя взгляду Сюэ Юэлань, быстро подошла и схватила коробку с украшениями, чтобы показать её Гу Лифань. Это мгновенно вывело Сюэ Юэлань из себя.

Когда Сюэ Юэлань в семье Сюэ когда-либо терпела такие унижения? Даже если это был дом Гу, сестры Гу не были родными дочерьми семьи. По мнению Сюэ Юэлань, они были всего лишь бедными родственниками, которых из милости приютили в доме. Сама же она была местной жительницей Юньчэна, так чего ей было их бояться?

Однако Сюэ Юэлань всё же не была настолько бестактной, чтобы не учитывать лицо семьи Гу. Поначалу она лишь язвительно прокомментировала, что сестры Гу, мол, из глубинки, и их взгляд слишком узок, чтобы удержаться от соблазна при виде чего-то ценного. Гу Ляньфань выглядела как наивная девчонка, и Сюэ Юэлань не ожидала, что та поднимет брови, посмотрит на неё с презрением и выскажет столько ядовитых слов, не используя при этом ни одного грубого выражения, но каждое из которых било точно в цель. Особенно когда Гу Ляньфань намекнула на истинные намерения её матери, приведшей её в дом Гу.

Сюэ Юэлань пришла в ярость. Она всегда презирала женщин, которые становились наложницами или вторыми женами. В её глазах такие женщины сами опускались до уровня, заслуживающего унижений от главной жены. Когда она впервые узнала о планах родителей, то была категорически против. Лишь после того, как мать долго уговаривала её, объясняя, что, выйдя замуж за второго молодого господина Гу, она станет матерью его единственных детей, а всё имущество второй ветви семьи Гу достанется ей, и что её обязательно сделают равной женой Гу Хуайюя, Сюэ Юэлань согласилась на этот план. Но даже тогда она внутренне решила, что, если ей удастся войти в дом Гу, она непременно добьётся, чтобы Сюэ Цзя был изгнан, а её возвели в ранг главной жены. Ведь Сюэ Юэлань никогда не собиралась быть второй женой!

Когда Гу Ляньфань раскрыла её планы, то, что раньше было скрыто за тонкой завесой, стало

явным. Сюэ Юэлань настолько разозлилась, что перестала контролировать свои слова:

— А ты кто такая? Всего лишь приживалка! Семья Гу молчит о вас, и ты уже вообразила себя частью их семьи? — Сюэ Юэлань с гневом смотрела на девушку, указывая на неё пальцем. — Знаешь, некоторые вещи другие не замечают, но это не значит, что никто не видит. Ты сама питаешь чувства к своему брату, а ещё смеешь смеяться надо мной? Вот уж действительно, не знаю, в какой семье воспитали такую мерзкую девчонку!

Любовь к Гу Хуайюю была тайной Гу Ляньфань. Она думала, что скрывает её достаточно хорошо, но не замечала, как её взгляды, полные одержимости, выдавали её чувства. Когда Сюэ Юэлань прямо указала на это, лицо Гу Ляньфань позеленело от ярости:

— Второй брат Гу не мой родной брат, и у нас всё ещё есть шанс быть вместе. А ты... Ха, посмотри на себя в зеркало, прежде чем мечтать! Даже если ты будешь навязываться, никто тебя не захочет!

Сюэ Юэлань уже собиралась ответить, но её прервала холодная реплика женщины в вуали, стоявшей рядом с Гу Ляньфань:

— Хватит! Что за скандал! Настоящая благородная девица, а ведёт себя как сварливая баба! Как вам не стыдно! Ляньфань, если я ещё раз услышу, что ты продолжаешь думать о молодом господине Гу, я сломаю тебе ноги!

Сказав это, Гу Лифань, не обращая внимания на Гу Ляньфань и украшения в её руках, развернулась и ушла.

Гу Ляньфань, глядя на удаляющуюся спину сестры, открыла рот, но не сказала ни слова. Затем она злобно посмотрела на Сюэ Юэлань, бросила коробку с украшениями на полку и с усмешкой произнесла:

— Видно, кто здесь действительно не видел света. Возьми, это твоё.

Не дав Сюэ Юэлань возможности ответить, она тоже ушла.

Гу Хуайюю, стоявший за двумя перегородками и услышавший весь скандал, почесал нос и слегка нахмурился:

— Это... Я могу объяснить.

Сюэ Цзя улыбнулся:

— О, правда?

Гу Хуайюю почувствовал, что его супруг разозлился ещё больше. Внутренне он лихорадочно думал, как бы объясниться, как вдруг Сюэ Цзя бросил фразу и пошёл в противоположную сторону:

— Пусть они ссорятся и спорят, но ты всё равно мой.

Э-э?

Гу Хуайюю, слегка ошеломлённый, быстро пришёл в себя и бросился за супругом, глаза его сияли от радости:

— Конечно, я твой, и никто, кроме тебя, не сможет меня забрать...

Когда ещё можно было так выразить свою преданность?

Неважно, как семья Сюэ общалась с семьёй Гу в праздники, но благодаря госпоже Гу, которая обожала младшего сына и умела справляться с любыми трудностями, их планы явно провалились. Однако втайне стало известно, что Сюэ Фу, старший сын семьи Сюэ, живущий на улице Гуанлу, стал чаще посещать подпольные игорные дома. Родители Сюэ, занятые делами перед праздниками, похоже, ничего не замечали.

Седьмого числа первого месяца в дом Гу снова пришёл гость.

Это был Чэнь Линьцин, сын директора Академии «Облачное небо».

Чэнь Линьцин пришёл навестить Сюэ Цзя как друга. В качестве подарка он принёс древнюю цитру из тысячелетнего дерева, сделанную в форме хвоста феникса. Говорили, что это была та самая цитра, которой пользовался придворный музыкант Лэ Цзи, служивший у первого императора предыдущей династии. Материал был драгоценным, резьба изящной, звучание чистым, а история — богатой. Это был настоящий шедевр древности. Такой подарок был слишком щедрым даже для праздничного визита.

Чэнь Линьцин был одет в простую зелёную хлопковую одежду с вышитыми на рукавах узорами. Его худощавое лицо подчёркивало интеллигентность. Увидев Сюэ Цзя, он на мгновение застыл, затем вежливо поклонился и с лёгкой улыбкой сказал:

— Ты... Как ты поживаешь в последнее время?

Сюэ Цзя улыбнулся в ответ и тоже поклонился:

— У меня всё хорошо. А как ты провёл праздники?

Благодаря своему мягкому характеру, Сюэ Цзя всегда был популярен среди учеников Академии «Облачное небо» и других учебных заведений. Однако из-за сложного положения в семье Сюэ он редко приглашал друзей к себе домой. После того как он женился на Гу Хуайюе, он практически порвал все связи с бывшими одноклассниками, и никто больше не навещал его в доме Гу. Чэнь Линьцин стал первым, кто пришёл к нему в гости, и Сюэ Цзя был искренне рад.

Чэнь Линьцин, казалось, немного задумался, прежде чем ответить:

— Да, у меня тоже всё хорошо. Главное, что ты в порядке, и я спокоен.

<http://bllate.org/book/17686/1649994>